

В Киеве, в глубине дворов, над шумом котловне площади Победы высится внушительное серое здание. Как-то сразу видишь, что здесь обитает нечто медицинское. Это дорожная больница или, как называли ее путевиком, ДОБ-1. В пятидесятых годах на первом ее этаже размещался тубинститут. Собственно, это было несколько кабинетов и лабораторий. Тут, в далекий августинский день пятидесятых годов, я впервые встретился с Зинойди Николаевной Некрасовой. Она была врачом-фтизиатром, а я пациентом. Мне шел двадцатый год...

Кто-то из медиков сказал: «Лечу солдат как генералов, а генералов как солдат». Зинаяда Николаевна была именно таким врачом. Невысокого роста, уже в летах, в ослепительно белом отутуженном халате, в пенсне, она

сосредоточенно выслушивала меня. Фонендоскоп оставался на шее, продавливал, легкие и теплые ее пальцы скользили по грудной клетке. А направила меня сюда не зря...

«Стрептомичан не помог...», — пишет Виктор Некрасов в очерке «Платонов», рассказывая, как добыл в начале пятидесятых годов, получив несколько резолюций, этот новейший антибиотик для дальнего головного туберкулеза Андрея Платонова. Мне стрептомичан помог. Прошли годы и странствия. И вот однажды, в начале шестидесятых, пришел день на Крещатику я увидел Викторину Платоновну Некрасову — я знал его в лицо — об руку с моим доктором, Зинойди Николаевной чуть постарела, но шла бодро. И вдруг я понял: да ведь она — мама Виктора Некрасова!

ТРИ МУЗЫ ВИКТОРА НЕКРАСОВА

Юрий ВИЛЕНСКИЙ

Таких сыновей, каков был он, не много. Их взаимная привязанность была редкостью. Конечно, материнский авторитет просто потому, что они наши мамы. Но все же я убежден, именно Зинаяда Николаевна являлась для сына высшим примером порядочности, духа справедливости, вменяемого выбора в пользу совести. Несомненно, доктор Некрасова не одобряла урочистый и репрессивный «казарменный социализм». Но как характерные для нее поразительные слова, сказанные в августе сорок первого года, когда Викторина призвала в армию: «Ну и правильно, и хорошо... Я очень рада за тебя. Нельзя отговаривать себя в тылу. Иди... Только не забывай писать!»

Не всякая мать найдет такое запущенная. А вспомнил некрасовского Корженича в «Окопах», а это понимание солдата, заботой о каждом подчиненном, истинным демократизмом отношения офицера к воинам в условиях сложнейшей боевой обстановки! Таким был сам Виктор Платонович. И все это тоже ответ черт мамы, ее взглядов, ее мировоззрения, ее кодекса чести.

Родные и близкие... Два эти слова подчас лишь формально сочетаются между собой. В семье Виктора Платоновича они синонимы. И поэтому начать этот триптих — Аллина Антоновна, Зинаяда Николаевна, Софья Николаевна — нужно с Алины Антоновны, ее бабушки. Ей Виктор Платонович посвятил одноименный очерк.

Бабушка

«У изголовья кровати моей матери висит в белой с позолотой раме картина, на которой изображен букет чайных роз и еще каких-то неясных мне цветов в фарфоровой вазе, стоящей на дощечке. Внизу справа дата — 1874 и подпись — А.Эрих. Акварельный букет этот принадлежит кисти «благородной девицы» Алины Эрих и сделан на уроке рисования в Смольном институте, когда ей было семнадцать лет. Чуть ниже фотографии красивой девушки в белом кружеваном платье с медалью на шее... Рядом с ней другая фотография — молодой дамы в очках, за письменным столом, исподлобья развернувшись к стороне объектива. И девушка и дама — Аллина Антоновна Мотовилова (в девичестве Эрих), моя бабушка.

В бабушке не было ни капли русской крови (отец ее по происхождению швед — Антон фон Эрих, вернее Эрих, генерал русской армии, мать — итальянка, родом из Венеции, Валерия Франческа Флорини), но как-то получилось, что бабушка моя умудрилась сочетать в себе самые положительные черты русского человека. Приветливость, доброта, исключительное гостеприимство, умение легко переносить трудности... Все ее любви. Конечно же, все видше, сидевшие на Марининско-Благовещенской, и даже невзлюбив, стоявшие на углу Б. Васильевской, хотя услугами их бабушка из-за отсутствия денег не очень часто пользовалась. Такой милый и открытый был у нее характер.

Была она ко всему еще и красива. Красота, которую не искажает старость, по-видимому и есть подлинная красота. И дело даже не в привлекательности или благородстве черт, а в том, чего на фотографии не увидишь, — в выражении глаз и улыбке, которые на всю жизнь остались молодыми.

Думаю, что именно ее взгляд и улыбка покорила некоего господина в бакедарию, который на балу в Смольном пригласил Алину Эрих на первую мазуру. Этим господином с бакедарию были император Александр II.

Потом жизнь в имени своих родителей в Симбирской губернии, — некогда там не был, но в детстве очень ярко представлял его себе. Очевидно, вышедая в свет, замужество, дети...

Так вот, с появлением детей — четыре дочери, младшая, Ниночка, умерла еще ребенком, — жизнь несколько изменилась. Меньше хлопот, больше симбирских улочек, а потом, после смерти деда (умер он от чахотки, захлебнувшись кровью, о чем моя мать, в прошлом врач-фтизиатр, часто, задушевным в своем кресте, вспоминает) симбирские улочки сменились на лозановские. Почему бабушка одна с тремя детьми поехала в Швейцарию? Как мать сейчас объясняет, просто для того, чтоб сменить обстановку после смерти ее отца.

— Ну и для того, чтоб научиться французскому языку, — добавляет она, mildly улыбаясь.

«Ленни я помнила еще с 1895 года, когда он в свой первый приезд в Швейцарию заехал к нам и провёл у нас полдня... Вошел незнакомый человек и сказал, что его пригласил Катюша. Мама повела его в гостиюю, там у нас на столике лежали социалистические газеты. Человек этот бросился к столику и весь погрузился в газеты.

Обращаясь к маме, незнакомец сказал: — А мы с вами из одного города.

— Как же ваша фамилия?

— Петров, — ответил он (Ленни одно время, как известно, подписывался Петровым.)

Позже, когда к нам приехал Кассион, он спросил маму: — Был ли у вас Ульянов? И тут все выяснилось...»

В Некрасов пишет, что во время оккупации, когда немцы сидели в Киеве долго, родным удалось перенести на новое место жительства некоторые наиболее легкие вещи. Среди них была и принцессочка, которой Ленин, вместо промашки, однажды воспользовался.

«А что Ленин написал на этой бумажке? — не угадала я. — Не помню уж. Да, вероятно, и не читала. Так, несколько кажи-то слов... И где же эта бумажка? Выкинула, небось? Бабушка смущалась. Я укоризненно качал головой, а бабушка еще больше смущалась...»

Да, бабушка понимала и простые, и сложные. А сложное всех была ее собственная дочь Сова. Вечером, когда надо было идти в ванную умываться, она пальчиком махнула меня к себе и шепотом говорила: — Поведи меня ты. Она там терроризирует — не то мыло казала, не то полотенце...

Последние годы перед войной бабушка особая. У нее был небольшой, как тогда говорили, удар. Отпали магазины, базары, оуды. Сидела в кресле и что-то шептала, шловола, — тотим ряд перенести-вала французские романы в желтых обложках.

Последний раз я видел бабушку в апреле 1941 года. Я приехал на три дня из Ростова, где служил в театре Красной Армии, «меньше паспорт. Бабушка, востраждая, но такая же милая, страшно мне обрадовалась и все строила планы на лето, как будем жить мы где-нибудь под Киевом. Последние приготовления к бабушке — я с чемоданчиком иду на вокзал, а она стоит на балконе... Умерла бабушка 27 марта 1943 года, так и не дожив до освобождения».

Что можно сказать об этой олеографии любви?

Или слова о родных, о домашних стенах, в письмах маме с фронта, от 1 марта 1944 г.

«Твои книги оказались мне дороже. Замечательно! Только ради Бога, больше не падай...»

Чертова война, как она всем надежда! Не может быть, конечно, что раньше или позже я к вам приеду, но как хотелось бы, чтоб это поскорей произошло и чтоб я приехал к вам не в 6 дней, а навсегда, и чтоб мы могли по-человечески устроиться и жить вместе, без долгов, рубки дров и вождей за водой на базары. Это будет, я знаю, но боюсь не 1 мая, а немного позже...

И все-таки я счастливый человек. Мне удалось выжить дома и поводить вас. А не раньше — это по 6 января не случилось. И эскати я верю в свою счастливаю звезду — и 2 1/2 года я провоевал, и в самых адских котлах перебивал (попарноловленные Харьковские наступление, затем отступление, Сталинград, Донец в этом году) — и все-таки жив остался. Ну разве это не везение? Вот грустно только, что бабушку в живых не застал.

Я часто, засыпая, вспоминаю и представляю новую квартиру, квартиру, какой чудесной вид, сколько воздуха, света, какие милые и привлекательные все предметы — шкафы, книги, обитанные кресла, полочки с бирюльницами, большое кресло, в котором бабушка любила сидеть...

Я очень безумно — получил бы вы мои деньги, которые я прислал вам из резерва в середине января — 900 рублей. С тех пор я еще ничего не получал (хотя мне и полагается за два месяца около

3000) — мучалось, что потом не могу вам помочь...»

Мать

«Зина, моя мать, Зинаяда Николаевна, веселая, общительная, добродетельная, любящая концерты, театры, путешествия, прогулки, которых сейчас, в свои девяносто лет, она лишена», — писал Виктор Некрасов в 1969 году.

Но мы мысленно обобразаем молодые и зрелые годы Зинойди Николаевны. И прежде всего в ее врачебной нишесте. Она прошла европейскую школу высшего медицинского образования и практики. Расцвет ассистента и бактериолога, первые шаги современной анестезиологии и рентгенологии, достижения хирургии — все это пришло на ее студенческую пору и начальные этапы врачебного познания. А потом наступила Первая мировая война, и началась во Францию госпитальная хирургическая страда Зинойди Некрасовой, очевидно, и спасающая ее настоящим врачом. С хирургическим высот, как правило, видна ее медицина. Зинаяда Николаевна была и участником терапевтом, и физиотерапевтом, и врачом вокального миделутика в тревожное лето сорок первого, выполняла свои обязанности и в дни вражеского нашествия. Оставалась бесбревенной, отзывчивым человеком и прогрессивным, умудренным специалистом.

Зинаяда Николаевна, и это стоить подчеркнуть, не сделала никакой административной карьеры. Она была просто хорошей врачом. А когда настала пенсионная пора, то, что называют «третьим возрастом», благодаря заботам Виктора Платоновича перед ней открылись новые дали...

«Мы с мамой выходим гулять обычно под вечер», — писал Виктор Некрасов. — Жара уже спала, но вечерней толкотни еще нет. Маршрут традиционный — до эспланады над Дзержинским или по Петровской аллее и назад. У подножия перехода ожидают продавцы цветов, они нас хорошо знают... Мама любит ландыши, и весной у нас вся квартира в ландышах. И в распускающихся веточках тополя, каштана, клена. Потом сирень, жасмин, к концу лета — гортензия, осенно — георгина, астры...»

А вот московские эпизоды... «...Прогулка была парная — я и мать. Больше всего в жизни она любила гулять. В эту зиму было холодно, поэтому сначала мы долго одевались. Процедура была сложная — одна кофта, на две дру-

жини врачом стареющего сердца для Зинойди Николаевны стал Виктор Годи брала свое. Приходилось нестерпимо опекать маму, но оставлять одну на улице... Теперь в микрочистоте Зинойди Николаевны противостояли живое любопытство и все большая утомленность. Сын замечал, что ей все больше нужен покой. И чтобы не обидеть ее, Виктор Платонович или другие спутники размыривали в ходе прогулок крайнюю степень усталости.

Вообще же Викторина частенько приходилось размыривать перед мамой мимозное благополучие. Кальцо официального неприятия сложилось. «Не помню, в каком году это было, пишет Паула Утенская, — была с Зинойди Николаевной только что вернулась из Ленинграда, где должны были снимать по его сценарию фильм. И ничего из этого не получилось, только много было обидного и горького.

За столом собрались друзья, Зинаяда Николаевна навью рассказывать, как хорошо они провели время в Ленинграде. Вова, боюсь, что при матери могло пролетать о том, что было в Ленинграде в действительности, говорит: «Да, да! Нам было очень хорошо, мы прекрасно провели время...»

Мы надеваем на лица улыбку. В конце жизни Зинаяда Николаевна поломала шею бедра. На ноги уже не встала. Виктор Платонович терпеливо, словно ласковая сиделка, ухаживал за мамой и в больнице, и дома. Она скончалась в 1970 году, на девяносто первом году жизни...

Тети

И наконец, Софья Николаевна Мотовилова... «Как Софья служила? Почему на нее не выдают орден ВЛКСМ? А есть ли теперь в Киеве МАНОВСКАЯ библиотека или все растащины немцами?» — писал Виктор Некрасов маме 11 июля сорок четвертого года.

«Характер у Софи был великий. Добрая в душе, желанная всем помочь, и не только желанная — готовая отдать последнюю копейку, она делала это так достойно, что многие от нее только шаркались».

Биограф библиотеки Воеводской академии наук Софья Мотовилова безбоязненно простояла в тридцатых годах против ареста. Но ее не тронули...

«В студенческие годы, еще своих первых обязанностях, я еще выполнял обязанности «монсера сына тети», — пишет Виктор Некрасов в очерке «Две истории». — В каждую свою поездку в Москву я получал от нее «спасательные». Ответил В.Бонч-Бруевичу — редактору сборников «Земля» — ее мемуары, то зайти к Круской, с которой она в свое время работала в Наркомпроме, и передать ей письмо с просьбой разобраться в какой-то вопиющей несправедливости. Году в тридцать первом получил я очередное задание — поведать Корня Ивановича Чуковского и передать ему письмо... Прошли годы. С тейкой по-прежнему переписывался, присылал ей все время, остроумные письма и очень много поздравил с «Минувшим». Эти мемуары С.Мотовиловой опубликовал «Новый мир». «Не могу не похвалиться его отзывом», — пишет Виктор Платонович. «Дорогая однокласска Софья Николаевна! Здорово! В Москве только и разговора, что о вашем «Минувшем»... Я знаю и про Брокера, и про Чертова, и про Толстого, но в печати (да еще в какой!) в «Новом мире» все это замучило поновому молодое и свежее. Я очень обрадовался таким замечаниям и спешу поведать Вас с их восторжением. Ваш К. Чуковский 25 мая 1964».

В читальном зале Государственного музея-архива литературы и искусства Украины я перелистываю альбом с фотографией Зинойди Николаевны. И глаза сына и матери говорят больше слов...

В Парине, в восемьдесят третьем, Виктор Некрасов писал: «Ну какое я имено право жаловаться, если, отрубив везе Сталинград от первого до последнего дня, оставил жиня. И вернулся в родной Киев, и обнял маму, которой тоже не так уж сладко было в годы оккупации, обнял, расцеловав ее, маленькую, худенькую, склонившуюся над своей дымящей из всех щелей русской, и прожил с ней еще двадцать пять лет! Подумать только — двадцать пять лет!

И такие слова: «Нет, не скажу я по Юрию... Только одно место твоя мама и себе — три могилки на железной оградой на Байковом кладбище. Там покоятся три самых близких для меня человека, проживавшие такую хорошую, ясную и такую нелегкую жизнь. Бабушка умерла еще при немцах — самый добрый человек в мире, тети Сова — человек жесткий нравом, — прожил еще двадцать лет, последний умерла мама, умерла тихо, долго вадоную у меня на руках. Ее люблю и люблю больше всех, ее мне больше всего не хватает на свете — ее ясность, веселость, добротность во всем...»